

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Академия гражданской защиты МЧС России (Россия, Химки), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Sciences, Professor, Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Khimki), e-mail: d413839@yandex.ru, AuthorID: 470075

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИФА О КАЗАЧЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В XIX – XX СТОЛЕТИЯХ**

**THE ORIGIN OF THE MYTH OF THE COSSACKS IN THE CONTEXT OF THE
FORMATION OF UKRAINIAN NATIONALISM IN THE 19th–20th CENTURIES**

Аннотация. Целью статьи является исследование попыток использования истории формирования днепровского и запорожского казачества в целях легитимации украинского националистического проекта. Автор обосновывается ангажированность различных подходов историков к государственной модели украинского национализма в период XIX – XX столетий. Также раскрываются предпосылки происхождения казачества как специфической военизированной сословной группы, и даются характеристики геополитической ситуации позднего Средневековья. На конкретных примерах искажения реального военно-политического значения казачьих общин показывается их взаимоотношения с Российским государством, Речью Посполитой и Османской империей. Аргументируется ограниченный характер политических целей казачьей старшины, которая по объективным условиям не могла играть консолидирующей роли в становлении украинской/малороссийской народности. Делается вывод об обращении идеологов казачества к использованию этнического фактора только в период пребывания в составе русского централизованного государства в целях продвижения своих узкокорпоративных интересов.

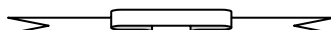
Ключевые слова: казачество, старшина, Войско Запорожское, национализм, М.С. Грушевский, Н. М. Костомаров, Галицкая Русь, Российское государство.

Abstract. The purpose of the article is to study attempts to use the history of the formation of the Dnepropetrovsk and Zaporozhye Cossacks in order to legitimize the Ukrainian nationalist project.

The author substantiates the bias of different approaches of historians to the state model of Ukrainian nationalism in the period of the 19th–20th centuries. The author also reveals the prerequisites for the origin of the Cossacks, as a specific paramilitary class group, and gives characteristics of the geopolitical situation of the Late Middle Ages. Specific examples of the distortion of the real military and political significance of the Cossack communities show their relationship with the Russian state, the Commonwealth and the Ottoman Empire. The limited nature of the political goals of the Cossack foreman is argued, which, according to objective conditions, could not play a consolidating role in the formation of the Ukrainian/Little Russian people.

As a result, the author comes to the conclusion that the ideologues of the Cossacks resort to the use of the ethnic factor only during their stay in the Russian centralized state in order to promote their narrow corporate interests.

Keywords: Cossacks, foreman, Zaporozhian Army, nationalism, M.S. Grushevsky, N.M. Kostomarov, Galician Rus, Russian state.

ВВЕДЕНИЕ

Происхождение украинского национализма и его влияние на развитие исторического процесса традиционно выступает предметом интенсивной научной полемики как в нашей стране, так и за рубежом. В первую очередь ученые различных общественных и гуманитарных наук рассматривают его идейно-политические основания, в качестве которых выступают различные версии и вариации украинствующих националистических доктрин [1, С. 97]. Современные российские исследователи продвинулись гораздо дальше в идентификации националистического дискурса в политической истории Восточной Европы [6, С. 124]. Однако в настоящее время недостаточное внимание уделяется именно историческому аспекту в формировании рассматриваемого феномена, и особенно попыткам его современных популяризаторов представить искажённую и не соответствующую историческим реалиям ретроспекцию формирования национально-политической доктрины под лозунгом «незалежной Украины». Необходимая методология описанного подхода была сформулирована, прежде всего, работами российского историка Н. М. Костомарова, имевшего тесные связи с интеллигентской фрондой малороссийских автономистов во второй половине XIX века [4, С. 502]. Однако первая системная попытка исторической фальсификации вполне справедливо связывается с деятельностью видного украинского националиста М. С. Грушевского, который получил известность и как политический деятель, и как основоположник ангажированной исторической концепции.

Отметим, что все последующие работы мыслителей и публицистов, претендующих на принадлежность к историческому знанию на основе концепта «Руси-Украины» в целом,

придерживались заданной М. Грушевским линии на узурпацию общего исторического наследия Древнерусского государства только одной из ветвей восточного славянства в лице «украинской нации».

Отмеченный выше идеологический штамп выступает стрелковым элементом практически всех разновидностей националистически ориентированных псевдоисторических подходов, которые развивали и продолжают развивать приверженцы политического и духовного раскола между Великороссией и Малороссией. Причём в декларированной ими исторической хронологии апокриф о «Руси-Украине» дополняется ещё одним идеологизированным конструктом – мифом о «казацкой державе», которая будто бы существовала в Приднпровье в XV – XVIII столетиях.

В апологетике украинского/малороссийского казачества сходятся представители всех трёх основных течений украинского национализма, которые в постсоветский период вышли из полулегального или нелегального состояния, и все вместе составляют доктринальный и мировоззренческий фундамент современного киевского режима.

ВАРИАЦИИ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В XIX – XX СТОЛЕТИЯХ

Итогом генезиса националистических доктрин Украины стало выделение ко второму десятилетию XXI века таких направлений, как этнический национализм, политический национализм, неонацизм. Наряду с общей линией на откровенную русофобию и шовинизм их отличают некоторые специфические черты, обусловленные исторической традицией и социокультурными факторами.

Этнический национализм, основанный на примитивном толковании «чистоты нации», опирается на мировоззренческие установки

населения Галиции и частично Волыни, которые сложились в период Нового и Новейшего времени. Первыми из земель Рюриковичей они оказались под прямым иноземным управлением, будучи официально наименованы в XIV столетии польской короной как «воеводство Русское». Таковое заменило собой бывшую Галицкую, или Червонную, Русь, двуединое феодальное государственное образование периода XII – XIV веков. Причём не имеется оснований для его противопоставления иным русским землям эпохи развитого Средневековья – Галич и Владимир-Волынский в культурном и мировоззренческом плане не в большей мере были отчуждены от Киева, нежели Рязань или Смоленск. Укрепившиеся здесь потомки разных ветвей Мономаховичей (Волынь) и Ростиславичей (Галич), несмотря на регулярные контакты с польскими и венгерскими правящими домами, что особенно стало заметно лишь во второй половине XII столетия, были непосредственно вовлечены в общерусские политические стратегии эпохи феодальной раздробленности. Так, в середине этого бурного века существовала многолетняя коалиция Юрия Долгорукого и галицких князей; на рубеже XII – XIII веков она вновь была возобновлена, когда Всеволод Большое Гнездо и Роман Мстиславич фактически установили коллективный патронат над киевским «столом» [2, С. 330]. Уже в период монгольского владычества антиордынский союз был создан Даниилом Галицким и великим князем владимирским Андреем Ярославичем. Приведённые здесь факты начисто опровергают тезисы «школы Грушевского» об обособлении Галицкой Руси и Владимиро-Суздальской земли, якобы имевшее место еще в домонгольский период.

Однако после пресечения династии Даниила Романовича и перехода в 1340 году Чер-

вонной Руси во владение польских Пястов началась интенсивная полонизация и латинизация этих территорий. Ещё столетие назад повод для этого был дан Даниилом Романовичем, принявшим королевскую корону от папы римского. Волынь после полувековой войны с поляками досталась Великому князю Литовскому. Уже в 1343 году русские бояре в Галицкой Руси стали официально именоваться «панам», а в 1350-е католические епископы и филиалы францисканского и доминиканского орденов утвердились во всех крупных городах «Русского воеводства»; в 1375 году учреждается Галицкая католическая митрополия. Кревская уния 1385 года знаменовала начало вытеснения православия и в землях, подвластных Литве, однако вплоть до создания Речи Посполитой и появления ордена иезуитов идейная идентичность их населения в целом оставалась неизменной. Апогей католической экспансии пришёлся на времена после Брестской унии 1596 года. Именно в рамках униатской конфессии сложились мировоззренческие устои будущего галицийского национализма, а его организационная основа оформилась в период австрийского владычества в противовес польской шляхетской корпорации.

В современном украинском политикуме адепты этнического национализма прочно заняли нишу идеологов и «духовных наставников» общества. Причем с их стороны отмечается апеллирование в основном не к средневековой истории, а к событиям XX столетия, в развитие чего происходит ревизия роли галицийского коллаборационизма в период Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войн и в предшествующих им событиях.

Политический национализм на постсоветской Украине охватывает ареал центральных

областей страны и опирается на социальный заказ финансово-промышленных групп Днепропетровска, влияние которых берёт своё начало ещё с эпохи правления Л. И. Брежнева, чья карьера была тесно связана с партийной работой в Украинской ССР. Идейным предтечей указанного направления следует считать культурно-историческое наследие XIX века, аккумулированное в деятельности Кирилло-Мефодиевского общества и близких к нему кружков интеллигенции и разночинцев. Изначально проповедуя панславизм, сторонники этого движения абсолютизировали значение украинской народности в истории славянства и были первыми, кто сформулировал не просто культурно-просветительские задачи, но и цель политического порядка – создание федеративного государства из Великороссии, Польши и Украины. Именно «кирилло-мефодиевцы» основали культ украинского казачества, из чего позднее сформировалась современная мифология «казацкой державы». Во время распада Российской империи линия на федерализацию привела изначально умеренных националистов под покровительство сначала кайзеровских властей, а затем и восстановленной Польши, что и предопределило их военно-политическое поражение. Однако это крыло националистического движения не было разгромлено в идейном плане, так как частично смогло адаптироваться к потребностям советской идеологии. Ряд его лидеров, включая бывшего главу Центральной рады М. Грушевского, вернулись из эмиграции и на протяжении 1920-х гг. во многом задавали тон в формировании культурной политики, влияли на работу системы научного знания и образования в Украинской ССР.

Видные деятели националистического движения левого толка, ранее состоявшие в

рядах Украинской социал-демократической рабочей партии, Украинской партии социалистов-революционеров, Украинской коммунистической партии (которую не следует путать с изначально проленинской КП(б)У), были инкорпорированы в советскую общественно-политическую систему. Акцентируется, что в её рядах они не столько строили социализм, сколько пытались использовать ресурсы Советского Союза для поддержки украинского национального движения на территориях тогдашних Польши, Румынии и Чехословакии [7, С. 77]. Отметим, что сущность национализма подобного рода определяется в постепенной подготовке к сецессии от России с одновременным поиском покровителей из числа зарубежных государств. Как показывает приведённый пример, ради замыслов создания так называемой соборной Украины приверженцы рассматриваемой доктрины могли избирать и обратную стратегию – выказывали готовность ситуативного сотрудничества с целью эксплуатации потенциала «Большой России» в угоду своим конъюнктурным интересам, причём одновременно пребывая в ожидании международных кризисов для перехода к спланированным политическим действиям и военным акциям.

В отличие от этнополитических радикалов, однозначно трактующих пребывание Малороссии в составе Российской империи и СССР как якобы «колониальный период», политические националисты склонны к спекуляциям на темы выдающейся, просветительской роли украинцев (или произвольно причисляемых к таковым) в становлении общей государственности в XVIII – XX столетиях.

Неонацизм как системный фактор общественно-политических отношений постсоветской Украины проявил себя только в наши дни, преимущественно после 2014 года. Его

социальной базой являются юго-восточные области, ранее традиционно тяготеющие к России. Слобожанщина и западная (оставшаяся по итогам Минских соглашений за киевскими властями) часть Донбасса были использованы региональным олигархатом для выдвижения собственной версии ультранационализма. Его отличает ставка на «белый расизм» и сектантское неоязычество. Эта версия политического радикализма является своеобразной попыткой идеологической конкуренции с галицийскими этнократами, не воспринимающими русское население Юго-Востока в качестве «полноценных украинцев». Особенность неонацистской версии национализма состоит в её откровенно маргинальном характере и недостатке интеллектуального ресурса, ввиду чего собственного видения украинской исторической традиции в её рамках не зафиксировано, если не считать использования культа князя Святослава Игоревича в целях пропаганды принадлежности к так называемой арийской нации.

Из рассмотренных вариаций националистической идеологии очевидной ориентацией на доктрину украинской «казацкой державы» отличается в первую очередь политический национализм. В его тезисах оправдывается существование автономных проукраинских субъектов в системе государственной власти и военной организации Российского государства/Российской империи. Обладая определённой самостоятельностью, такие структуры могли бы быть использованы для сохранения и воспроизводства националистических и сепаратистских проявлений в латентной форме. В первую очередь политическая версия украинского национализма связывается с периодом существования Гетманщины XVII – XVIII столетий. Разумеется, для указанного времени не может быть признано существо-

вание националистической идеологии в полном смысле рассматриваемого феномена. Политические нации в данный период ещё не сложились и в более развитых, нежели аграрные окраины тогдашних Речи Посполитой или Московского царства, странах Европы. Однако опыт политического лавирования реестровых и запорожских казаков, которые руководствовались прежде всего своими корпоративными интересами, в исторических трудах и политических памфлетах XIX – XX веков стал преподноситься как национально-освободительное движение украинского народа.

Отметим, что все перечисленные вариации украинского национализма отличает наличие отчётливой милитаристской составляющей [3, С. 86]. В официальной исторической доктрине Киева претензии на самобытную государственность строились на способности обладания собственной вооружённой силой. Во время пребывания в составе Российского государства и Российской империи в качестве таковой выступали различные формирования казачества – реестрового, вольного запорожского, слободского. В период временной суверенности 1918–1920 годов предпринимались попытки создания вооружённых сил Центральной рады, Западно-Украинской народной республики (ЗУНР), вассального прогерманского гетмана и директории. В ходе повстанческо-террористической деятельности националистов 1930–1950-х годов формирования мятежников камуфлировались под некие подобию регулярных военных институтов, преподносившиеся в целях пропаганды как «военные округа» и «бригады».

Таким образом, неоднократно случалось, что вооружённые формирования из украинцев/малороссиян под лозунгами самостоятельности появлялись под юрисдикцией зарубежных государств или феодальных правителей.

Именно подобным образом обстояло дело при многочисленных переходах верхушки реестрового казачества и запорожцев на сторону Речи Посполитой, Турции, Швеции в Средние века и в эпоху Нового времени.

МИСТИФИКАЦИИ ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Вольные общины днепровских казаков проявляли геополитические и династические колебания с самого начала своего возникновения в последней четверти XV столетия. Напомним, что воспеваемые в поздней украинской мифологии вожди степной вольницы – каневский староста Евстафий Дашкович и князь Дмитрий Вишневецкий – с регулярным постоянством меняли своих феодальных сюзеренов. Так, Дашкович, будучи наместником великого князя Литовского в Кричеве, в 1504 году перешёл на службу к российскому государю Ивану III. Однако спустя четыре года он вновь возвращается на литовскую службу, установив собственные отношения с ватагами казаков-черкас в Приднепровье, во главе которых и принял участие в опустошительном набеге на Москву и Рязань в 1521 году, причём уже не под рукой своего непосредственного верховного сеньора – великого князя Литвы и Руси, а крымского хана Мехмед Гирея.

Аналогичная политика отличала князя Дмитрия Вишневецкого, которого историография достаточно произвольно трактует как основателя Запорожской Сечи и уже с достаточными основаниями – как основоположника воинской традиции днепровского казачества в целом [9, С. 24]. В середине XVI столетия с переменным успехом он пребывал на службе и у великого князя Литовского, и у валашского господаря, и у русского царя. Известно также о пребывании Вишневецкого под покровитель-

ством наместников османского султана в Очакове, что могло подразумевать и намерения в смене вероисповедания [5, С. 103].

Попытки приписать действиям литовско-русских феодалов, каковыми оставались Е. Дашкович, Д. Вишневецкий и иные, менее известные военные предводители той эпохи, проявления некоей «казачьей» государственности уже в работах советского времени обособленно опровергались и трактовались как безусловный исторический анахронизм [3, С. 45]. Не вызывает сомнения, что вся деятельность вождей степной вольницы строилась на мотивации служилого воинского сословия, куда более древнего, нежели только зарождавшееся днепровское казачество. Для аристократической среды и для мелкой шляхты вполне допускалась смена верховного сюзерена. Право на «феодальный отъезд» признавалось легитимным, если о переходе на службу другому владельцу вассал заблаговременно уведомлял своего нынешнего верховного патрона. На практике, разумеется, подобное условие соблюдалось далеко не всегда.

Не вызывает сомнения, что казацкие контингенты были непременными участниками всех военных предприятий на просторах Дикого поля, однако играя до поры до времени в этих событиях очевидную вспомогательную роль: главная партия в освоении степного приграничья («окраин-украин») принадлежала военным организациям сопредельных монархий и феодальных владений. На стороне последних пребывало обладание постоянным административным аппаратом, податным населением и фискальной системой.

Только будучи включённой в вооружённые силы Речи Посполитой в последней четверти XVI века, казацкая верхушка приобрела нормативный и материальный фундамент для арти-

куляции своих сословных интересов. Особую роль играло распоряжение старшиной экономически освоенными территориальными владениями в Приднепровье, на которых располагались принятые на королевскую, а затем и на царскую службу реестровые полки. В последующем такая стратегия – маневры и колебания между ведущими центрами силы в Восточной Европе – оставалась стержневым элементом политики и реестрового казачества, и запорожских сечевиков. Особенно ярко отмеченный фактор проявился в переломную историческую эпоху – во второй половине XVII – начале XVIII века. Общим местом в исторических работах является признание перманентных переходов гетманов и кошевых атаманов в подданство очередных претендентов на гегемонию на просторах Евразии. Причем попытки выступать в качестве самостоятельной военно-политической силы неизменно оборачивались тяжёлыми поражениями и превращением мятежных предводителей в вассалов наиболее влиятельных сопредельных государей. Как доказал опыт деятельности таких ярких фигур, как Б. Хмельницкий, П. Дорошенко или И. Брюховецкий, не будучи надёжно встроен в систему вассально-сеньориальных отношений, прежде всего, с российским самодержцем, самый предприимчивый вождь казачества оказывался обречён на политическую катастрофу.

В своих перманентных миграциях между влиятельными центрами силы реестровые полковники и запорожские атаманы, несомненно, ориентировались сразу на несколько существовавших к тому времени традиций. Во-первых, примером служили деяния родовой аристократии и мелкопоместного дворянства стран христианской Европы, обладавших возможностью произвольно менять своих прямых покровителей. Во-вторых, такая же

практика имела и в отношении Москвы, Вильно и Кракова со «служилыми татарами» – наиболее близкими по образу жизни современниками казачьих «кошей». В-третьих, постоянная смена работодателей была и остается обычной для различных маргинальных воинских формирований, наёмников и кондотьеров, в каком-то качестве выступали и предшественники казаков – берладники, бродники, «дикие половцы», и они сами, когда подражались на рискованные заработки в период той же Тридцатилетней войны наряду с искателями приключений со всей Европы.

Во времена польско-литовского владычества сохраняется отчётливо выраженное представление о жителях обоих берегов Днепра как о русских и православных людях. Об этом говорят и наименование этого ареала как «Руси» в официальной польской документации и в беллетристике, и выдвинутый гетманом-ренегатом И. Выговским в 1658 году неудавшийся проект создания «княжества Русского» как нового, третьего субъекта Речи Посполитой. Текст присяги, оглашенной царю Алексею Михайловичу на Переяславской раде 1654 года, также свидетельствует о том, что приносилась она не малороссийским или украинским народом, а именно различными чинами военно-служилой корпорации. Территории, вошедшие вслед за этим в состав Российского государства, официально именовались Войском Запорожским (Запорожская Сечь – Войско Запорожское Низовое), наряду с чем также использовались наименования «Гетманщина» или «Малороссия». При этом к юрисдикции гетманов последних никогда не относилась заселённая казаками-черкасами российская Слободская Украина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По прошествии нескольких десятилетий в

казачьей старшине начинает крепнуть убеждение в необходимости последовательной сепарации по отношению к российской государственности и к русской политической нации. Но, с другой стороны, к первой четверти XVIII столетия в среде казачества равным образом отсутствует готовность и признания себя в качестве неотъемлемой части малороссов-украинцев. Идейная позиция этой социальной группы была подробно изложена в так называемой Конституции Филиппа Орлика, составленной во времена пребывания изменников-запорожцев в турецких Бендерах в 1710 году. В тексте документа казачество впервые провозглашается отдельным этносом, причём соотносимым не с великороссами, не с украинцами, а с потомками кочевников – хазар времён раннего Средневековья. В этом усматривается прямое подражание сословному обособлению польской шляхты, для оправдания притязаний на господство над соотечественниками провозгласившей широко известную «сарматскую теорию».

Подводя итог, отметим, что попытки представить деятельность различных корпораций казачества степного Юго-Запада XV – XVIII веков в качестве государствообразующей политики не имеют под собой обоснованной аргументации. Политический процесс позднего Средневековья предопределялся в первую очередь династической, религиозной и сословной детерминантами, ввиду чего казачья верхушка что в России, что в Речи Посполитой шла путём не этнического самоопределения, а сословно-корпоративной идентификации. До начала Северной войны не имеется внятных свидетельств о восприятии себя казаками (как старшиной, так и «голотой») в качестве некоего древнего народа. Только столкнувшись с необходимостью защиты своих узкосословных интересов в условиях жёст-

кой централизации Российского государства, эта социальная группа обратилась к помощи этнического фактора для продвижения собственных корпоративных интересов.

Библиография / References:

1. Вишлев О.В. «Бастион Европы»: к вопросу об идеологии и программных целях украинского национализма // *Международная жизнь*. – 2020. – № 2. – С. 96–115.
2. Головки А.Б. Славяне Восточной Европы и крестовые походы (XI – первая половина XIII века) // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы* (отв. ред. Дворниченко А.Ю., Майоров А.В.). – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 314–330.
3. Голубуцкий В.А. Запорожское казачество. – Киев: Политическая литература, 1957. – 464 с.
4. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей: в 3-х кн. Кн. 2. – М.: Олма-пресс, 2003. – 638 с.
5. Кузнецов О.Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий: монография. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 224 с.
6. Ланцов С.А. Украинский национализм как дестабилизирующий фактор на евразийском пространстве: некоторые аспекты генезиса // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. – 2014. – № 15. – С. 124–131.
7. Мозохин О.Б. Неотправленное письмо академика М.С. Грушевского И.В. Сталину // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. – 2019. – № 2 (17). – С. 70–88.
8. Цыбаков Д.Л. Гражданский милитаризм и его проявления в современном политическом процессе // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2009. – № 1. – С. 86–91.

9. Яворницький Д.И. История запорожских казаков: в 3-х кн. Кн. 2. – Киев: Наукова думка, 1992. – 392 с.
1. Vishlev O.V. (2020) «Bastion Yevropy»: k voprosu ob ideologii i programmnykh tselyakh ukrainskogo natsionalizma [«Bastion of Europe»: to the question of the ideology and program goals of Ukrainian nationalism] // Mezhdunarodnaya zhizn'. – №2. – S.96–115. (In Russ.).
2. Golovko A.B. (2006) Slavyane Vostochnoy Yevropy i krestovyye pokhody (XI – pervaya polovina XIII veka) [Slavs of Eastern Europe and the Crusades (XI - the first half of the XIII century)] // Rossica Antiqua: Issledovaniya i materialy (otv. red. Dvornichenko A.YU., Mayorov A.V.). – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. – S.314–330. (In Russ.).
3. Golubutskiy V.A. (1957) Zaporozhskoye kazachestvo [Zaporozhye Cossacks]. – Kiev: Gosizdatel'stvo Politicheskaya literatura. – 464s. (In Russ.).
4. Kostomarov N.I. (2003) Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh yeye glavneyshikh deyateley [Russian history in the biographies of its main figures]: V 3-kh kn. – M.: Olma-press. Kn. 2. – 638s. (In Russ.).
5. Kuznetsov. O.Yu. (2013) Rytsar' Dikogo polya. Knyaz' D.I. Vishnevetskiy [Knight of the Wild Field. Prince D.I. Vishnevetsky]: monografiya. – M.: FLINTA; Nauka. – 224s. (In Russ.).
6. Lantsov S.A. (2014) Ukrainskiy natsionalizm kak destabiliziruyushchiy faktor na yevraziyskom prostranstve: nekotoryye aspekty genezisa [Ukrainian nationalism as a destabilizing factor in the Eurasian space: some aspects of the genesis] // Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. – № 15. – S.124–131. (In Russ.).
7. Mozokhin O.B. (2019) Neotpravlennoye pis'mo akademika M.S. Grushevskogo I.V. Stalinu [Unsent letter from Academician M.S. Grushevsky I.V. Stalin] // Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. – №2(17). – S.70–88. (In Russ.).
8. Tsybakov D.L. (2009) Grazhdanskiy militarizm i yego proyavleniya v sovremennom politicheskom protsesse [Civil militarism and its manifestations in the modern political process] // Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. – №1. – S.86–91. (In Russ.).
9. Yavornitskiy D.I. (1992) Istoriya zaporozhskikh Kazakov [History of the Zaporizhian Cossacks]: V 3-kh kn. Kn. 2. – Kiev: Naukova dumka. – 392s. (In Russ.).